

Н.П. Огарев

**Русская потаенная
литература XIX столетия**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Огарев**
Русская потаенная литература XIX столетия: Том 1 / Н.П. Огарев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 526 с.

ISBN 978-5-518-08072-0

ISBN 978-5-518-08072-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бросана въ мемуарахъ и частныхъ письмахъ, извѣстныхъ только немногимъ и тщательнѣй скрываютыхъ чѣмъ стихи, изъ боязни слишкомъ опредѣленно подвернуться подъ долгую лапу жандарма. Проза научная, недоступная пониманію цензора, вѣроятно представляетъ цѣлаго пропуска и потому рукописи рѣдко сохранялись; отдѣлы повѣстей, не пропущенныхъ ценсурой, также не можетъ быть обширенъ; но записки и письма... дѣло великое. Прослѣдить — какъ къ общему дѣлу относились таланты всѣхъ размѣровъ, кто и какъ принималъ участіе, какъ извѣстный взглядъ на вещи, общая скорбь и общая надежда отзывались въ даровитыхъ писателяхъ, какъ заставляли хвататься за перо и менѣе даровитыхъ, но сердцемъ чистыхъ людей, и какъ вынуждали подать голосъ и такимъ, которые въ сущности не были люди общему дѣлу преданные, но подчинялись вѣянію, бывшему въ воздухѣ, — это задача, достойная разработки. Если наши бібліофилы помогутъ намъ когда нибудь напечатать, за наше столѣтіе, сборникъ записокъ и писемъ нашихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ дѣателей, живыхъ и мертвыхъ, эти пропадающіе отрывки изъ жизни многихъ людей, которымъ ничто человѣческое не было чуждо, яreno возстановили бы исторію нашего развитія; наше столѣтіе для насъ также важно, какъ XVIII столѣтіе для

Франціи, и имѣть съ нимъ безконечно много общаго, о чемъ мы еще поговоримъ, хотя и не въ этомъ предисловіи. Но покуда у насъ нѣтъ средствъ добратся до прозаической потаенной литературы, мы начинаемъ нашъ сборникъ съ стихотворнаго отдѣла и попытаемся прослѣдить наше гражданское движеніе въ стихотворной литературѣ.

Мы собирали и станемъ собирать все что возможно, все что было и что теперь прибываетъ. Мы не гонялись за выборомъ произведеній исключительно художественныхъ. Мы не устранимъ—какъ еще недавно было общеприпятымъ мнѣніемъ—возможность совпаденія политическаго содержанія съ изящно-поэтической формой. Мы убѣждены, что въ нее способно облечься всякое живое содержаніе. Красота женщины, колыханіе моря, любовь и ненависть, философское раздумье, тоска Петрарки, подвигъ Брута, восторгъ Галилея передъ великимъ открытіемъ и чувство, внесенное въ скромный трудъ Оуэна—все это составляетъ для человѣка поэтическое отношеніе къ жизни. Математическая формула скорости паденія тѣлъ, какъ общее отвлеченное понятіе, остается сама по себѣ, въ своей истинѣ, во мнѣ живаго человѣка; но живая жажда знанія, сила вдумыванія, преданность Ньютона своей задачѣ—были поэзіей его жизни и не враждебны кисти художника. Не будь поэзіи въ дѣйствіи и созер-

цаніи челоуѣка, въ самой рефлексіи, столь гонимой нѣмецкой эстетикой—и надо бы исключить драму изъ области искусства, и лирической монологъ Фауста подвергнуть опалѣ. И кто-же можетъ вѣрить, чтобы живое стремленіе къ общественному благу, лирическая перестройка общественныхъ отношеній и сопряженные съ ними политическія ненависти и восторги — были недоступны для художественной формы? Дѣло не въ невозможности поэтического слова для политическаго содержанія, а въ силѣ таланта самаго поэта. Великихъ ученыхъ очень немного: у большинства людей по вѣтрости и нуждѣ житейской, сила мышленія разстрачивается на мелочь цѣпей и отношеній. Великихъ поэтовъ еще меньше: сила впечатлительности еще больше разстрачивается по вѣтру и не дорастаетъ до живаго выраженія впечатлѣній. Изъ великихъ поэтовъ — далеко не на всѣхъ современное общественное положеніе и современные потребности производили бѣльшее, или по крайней мѣрѣ равносильное впечатлѣніе, въ сравненіи съ остальными явленіями жизни. Слѣдственно художественныхъ произведеній политическаго содержанія необходимо должно быть меньше, чѣмъ художественныхъ произведеній всякаго иного содержанія. Голаться за исключительно художественными политическими стихотвореніями не только въ нашей юной литературѣ, но и въ какой вѣбамъ

накопленной литературѣ народовъ, старшихъ по исторіи, было бы невозможно. Да оно и не могло подойти подъ нашу цѣль : намъ надо было собрать сколько и насколько наша общественная жизнь вызвала въ стихотворной литературѣ проклятій и надеждъ, кто бы ни выражалъ ихъ — великій художникъ, или просто хорошій человѣкъ, или человѣкъ, мнунтно поддавшійся общему благородному движенію.

По мимо всякаго мастерства или неловкости отдѣлки, наши противуценсурныя стихотворенія, большей частью, лирическія. Они лирическія даже въ своихъ поползновеніяхъ на эпическую и драматическую форму. Это очень естественно : два чувства искали себѣ выраженія въ цѣнурѣ — негодованіе на настоящее и надежда на будущее, отчаяніе со всѣми своими уродливыми уклоненіями, и упованіе со всею гонѣбою за слишкомъ общими неопредѣленностями и слишкомъ неясными отдѣльными цѣлями. Провія — отъ шаловливой шутки до ѣдкой эпиграмы на голо,* плачь — отъ элегической тоски до паэоса страданія, постоянно перемѣшиваются съ ожиданіемъ перемѣны въ будущемъ вообще, освобожденія славянскихъ племенъ въ безопасности, и посреди горькаго смѣха, унылыхъ нацѣвовъ и восторженныхъ упованій, порою разда-

* У насъ нѣтъ эпиграмъ Соболевскаго.

ется ключъ на подвигъ, вызовъ на дѣло. Для всего этого лирическая форма была естественнѣе; она не требовала большихъ художническихъ соображеній; въ нее легко увладалась всякая боль, отъ мгновеннаго впечатлѣнія, всякій проблескъ надежды. Весь этотъ родъ поэзіи, гдѣ въ основаніе произведенія поставлено я поэта и его взглядъ и настроеніе, и всѣ виды этой поэзіи отъ оды до эпитафии, такъ приложимы къ впечатлѣніямъ политической и гражданской жизни, что ими спѣшатъ воспользоваться не только записные стихотворцы, но и люди, которые взяли за стихъ на одинъ разъ, для одного отзвука на внезапное потрясеніе. Тутъ участвуютъ не только первоклассные и второклассные, но и вовсе безклассные таланты, или даже не таланты, а просто люди, которымъ показалось, на этотъ разъ, удобнѣе сказать свою мысль стихами, выразить свое чувство мѣрными строчками, заострить рѣзкою оплеуху государственному подлецу или власть имущему.

Пробужденіе людей изъ дремоты, необходимость сказать свое слово—совпадаетъ у насъ съ двумя рѣзкими историческими, кровавыми эпохами, съ двумя нашествіями Европы на Россію, съ войною противъ старшаго Наполеона и съ войною противъ младшаго Наполеона. Какъ скоро война кончается, тотчасъ усиленно поднимается гражданскій вопросъ. То-ли—люди, опомнившись, спрашиваютъ другъ у

друга : изъ за чего же мы дрались? Неужто изъ за царя, пась въ три погибели гнушаго, изъ за порядка вещей, въ средѣ котораго дышать нельзя? Или успокоившись отъ потери крови и достояній, люди просто хотять по лучше устроить свою жизнь? Или общественная мысль, медленно вопившаяся въ мирное время, прорвала себѣ исходъ, при судорожномъ сотрясеніи войны, и требуетъ удовлетворенія? Или все выѣстъ?... Какъ бы то ни было—никогда столько не писали и прозы и стиховъ, въѣ цензуры, какъ въ десятилѣтіе послѣ 1815 и послѣ 1854 года. Но при всемъ сходствѣ, при всей очевидности, что наше дѣло есть продолженіе того дѣла, характеръ обоего времени содержитъ существенныя различія, сколько во взглядѣ и потребностяхъ, столько и въ самихъ личностяхъ, вращаемыхъ общимъ движеніемъ. Съ двадцатыхъ годовъ наши потребности уяснились, пониманіе выросло, а люди тѣхъ годовъ—цельзя не сознаться—были сильнѣе. Между ихъ энергіей и нашимъ пониманіемъ тяжелоуѣсно легло николаевское царствованіе. Послѣ неудавшейся попытки 14 Декабря, подѣ постепенно возрастающимъ нашимъ власті, личныя силы мало по малу притихали. Съ 25го года до 50хъ годовъ не только цензура усиливается, но и потаенная литература высказывается рѣже и рѣже, никогда не смолкая совершенно. Задуть безмолвную мысль прави-

тельство не могло ; самое положеніе края вызывало ее на болѣе строгій взглядъ, на болѣе строгое наблюденіе ; складъ общественной жизни становился яснѣе и смыслъ общественныхъ нуждъ и потребностей принималъ болѣе широкіе размѣры. *Только* пережѣна правительства, *только* переворотъ вверху, безъ преобразованія внизу, безъ самоустройства народа, — становились болѣе и болѣе чуждыми общему сознанію. Затихнувшая Европа давала намъ больше толчковъ къ изученію, къ постановкѣ вопросовъ, чѣмъ къ гражданской дѣятельности ; она знакомила насъ съ теоріей, приучала къ систематическому мышленію германской науки и сближала съ противоположными ей собственной почвѣ идеалами социаль-ныхъ предположеній. Въ тридцатыхъ годахъ у насъ кончатся всякія попытки политическихъ обществъ ; они, не сложившись, притихаютъ подъ слѣпыми ударами тайной полиціи, попадающей въ цѣль, потому что безпрестанно бьетъ безъ разбора на право и на лѣво ; но притихаютъ, тая несомнѣнныя зачатки социальныхъ стремленій. Въ сороковыхъ годахъ протестъ критики противъ существующаго порядка вещей и художественный протестъ противъ пошлости и недобросовѣстности обыденной жизни пробиваютъ себѣ дорогу сквозь цензуру, и слова, и еще упорнѣе сгнетаемые — умираютъ съ Бѣлинскими и заживо хоронятся съ Гоголемъ. Въ это время

поэзія, въ своихъ высшихъ представителяхъ — Лермонтовъ и Кольцовъ—достигаетъ до отсутствія гражданской мысли и потребности, только рѣзко сохраняя слѣды надломленной, подавленной, но всё же сильной и изящной жизни, и жажды воли неопредѣленной и безграничной. Между тѣмъ тоже научное движеніе заставляеть взглядываться въ собственный народный складъ, разлагать его на историческія и экономическія данныя и искать на сколько онъ осуществляетъ социальныя идеалы. Начало пониманія народности безспорно принадлежитъ славянофиламъ, и—хотя увлеченные собственнымъ трудомъ и задачею—они смѣшивали элементы съ идеаломъ и искали идеала въ прошедшемъ, тѣмъ не менѣе первое органическое, этакующее движеніе мысли принадлежитъ имъ. Критика входитъ въ враждебное состязаніе, будто во имя европейской пауки, въ сущности только отказываясь отъ призванія элементовъ за идеалы. Кажется, что тутъ два параллельныя движенія, которыя никогда не встрѣтятся; въ сущности—это только движеніе въ одной цѣли изъ двухъ разныхъ точекъ отправленія и они сойдутся въ разработкѣ основаній для русскаго гражданского развитія, въ уясненіи общественнаго идеала его возникновеніемъ изъ фактическихъ данныхъ народной жизни. Все теоретическое броженіе умовъ происходило въ отдѣльныхъ круж-

вахъ, на столько ограничиваясь словопріемъ, что мысль о какомъ нибудь общественномъ переворотѣ въ дѣйствительности—не приходила въ голову, или заслонялась совершеннымъ безвѣріемъ въ собственные силы. Энергія тратилась на слова. Теоретическій фанатизмъ держался, мечтая, что вотъ онъ-то и припоситъ жертву на алтарь отечества ; но и онъ начиналъ утомляться. Личности стирались до какого-то бесплоднаго блужданія тѣней. Поверхъ всего разстилалась, въ массѣ военно-канцелярскаго порядка, личность Николая Павловича, повторяемая, въ разныхъ размѣрахъ, каждымъ чиновникомъ отъ генерала до будочника, замѣняя силу собственной личности—властью приходящею по иѣсту и званію, развитіе внутренней мысли — формализмомъ, и жажду подвига — безнаказанностью кулака. Очевидно, при такихъ условіяхъ, по мѣрѣ того какъ въ обществѣ стирались доблесть личностей, въ правительствѣ стирались способности. Общество уже не выдѣляло въ правительство людей даровитыхъ ; гражданская доблесть бесплодно тонула въ черно-рабочихъ рядахъ канцелярій. Посредственность и недобросовѣстность дружно пролагали себѣ дорогу. Что же могло выйти изъ этого?... Общественная мысль разрослась въ словопріемъ, а правительство оказалось бездарнымъ. Наступила минута тяжелаго молчанія ; личности ни съ той, ни съ другой

стороны не выдвигались. Общество не смѣло не только дѣйствовать, но не смѣло говорить, а правительство не знало что начать; не встрѣчая возраженія въ обществѣ, ему только оставалось забыться до безумія. Оно и засумашествовало — сперва венгерской, потомъ турецкой кампаніей. Венгерская кампанія неприятно подѣйствовала на общественное сознаніе. Не только славянофиламъ, но и самымъ ярымъ западникамъ не приходило въ голову помогать Австріи. Офицеры шли не хотя, натягивая въ себѣ обязанность поддерживать честь знамени; солдаты не любили пѣмцевъ уже и потому, что не любили своихъ генераловъ, но шли—по привычкѣ къ повиновенію. И тѣ и другіе ссорились съ австрійцами и принимали венгерскихъ плѣнниковъ съ распростертыми объятіями. И въ то время, когда Николай Павловичъ, одержавъ на маневрахъ подготовленную побѣду, и сѣдя верхомъ, снявъ каску и проливая въ три ручья слезы, крестился и неистово восклицалъ : “Повинуйтесь языцы, яко съ нами богъ !” *—въ то время народъ жался и ропталъ подъ тяжестью непрерывнаго рекрутства, помѣщики переставали платитъ долги и правительственныя финансы подтачивались разомъ отъ сановничьяго грабежа и отъ раззоренія края. По ропотъ народа

* Истинное происшествіе, послѣ—не помню какихъ—маневровъ, рассказанное очевидцами.